ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Васильев Д. А. Теоретико-методологические основы исследования политического мифа и мифологизации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 12 (декабрь). – 0,4 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2018/183082.htm.

ART 183082 **DOI 10.24411/2304-120X-2018-13082** **УДК 323.2**

Васильев Дмитрий Алексеевич,
студент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград
vas.dmitrii17@gmail.com

Теоретико-методологические основы исследования политического мифа и мифологизации

Аннотация. *В период интенсивного продвижения информационных технологий возникает большое количество новых возможностей для формирования и использования политических мифов. Настоящее время – это период создаваемой реальности, конструируемой с помощью мифов. По этой причине понимание элементов и их взаимосвязанной работы в политической мифологии является важным обстоятельством для выживания в нынешнем обществе. Следовательно, увеличивается необходимость в исследовании и тщательном изучении данной проблематики.*
Ключевые слова: *миф, политический миф, мифологизация, мифологическое сознание.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

О. Н. Стрельник в своей работе акцентирует внимание не столько на идее о возвращении мифа, сколько на констатации факта его видоизмененности [1]. Примечателен следующий парадокс: рациональное мышление, характерное для XX и XXI вв., не способствует демифологизации массового сознания. Иные исследователи, по мнению О. Н. Стерлик, в своих работах сопоставляют миф и современное массовое сознание. Ремифологизация массовой культуры, возобновление архаических мифов и целенаправленное мифотворчество в политике, рекламе и сфере массовых коммуникаций перевели данную тему из разряда теоретических в практико-ориентированные и актуальные вопросы.

Миф как объект научного анализа

Для понимания современных моделей мифов и процессов мифологизации необходимы знания структуры классического мифа. Но стоит обратить внимание и на новые неотъемлемые части современного мифотворчества, а непосредственно – сопровождающие его новые феномены, несущие в себе как первоосновные характеристики, так и возможности, адаптирующие последние достижения в научной сфере под свои нужды [2].

Л. Леви-Брюль представляет связующее звено между учеными в области практики и теми, кто анализирует миф как разновидность мышления. Французский философ, антрополог и этнолог опирается на постулат Дюркгейма о социальной природе сознания: «Определенный тип общества, имеющий свои собственные учреждения и нравы, неизбежно будет иметь и собственное мышление» [3]. Коллективные понятия становятся объектом веры, а никак не размышлений, они представляют властный характер. Концентрируя действия на раскрытии значительных черт непосредственно мифологического мышления, он приходит к соответствующим заключениям. Первобытное мышление является синкретичным, то есть неразвитым, первоначальным: логичное непосредственно переплетено с эмоционально-психологическим. Значимым принципом мышления считается мистицизм – уверенность в мощи, воздействия, влияния, малозаметные действия, однако тем не менее реальные. В массовых суждениях ассоциациями распоряжается закон партиципации (сопричастия). Леви-Брюль пришел к выводу о наличии особенного вида мышления, называемого «пралогическим».

Оно не стремится остерегаться противоречий, отождествления единицы и множества, статичного и динамичного [4].

Учеными по-разному констатировалась природа связи мифа и человеческой практики. В соответствии с логикой Дж. Фрэзера, миф появляется в глубокой античности, когда главной целью людей в первобытном мире была возможность выживания в жестоких обстоятельствах. С целью осуществления собственных практических целей человек стремился установить надзор над естественными действиями, подчинить их собственной воле. Конфигурациями подобного влияния были магические действия (заклятия, ритуалы и т. д.). Опираясь на это, Фрэзер подразумевает под мифом определенный оттиск обряда или ритуала, его вербальное формирование. Подобным способом постулируется преимущество обряда над мифом, миф трактуется как иллюстрация обряда. Установленная Дж. Фрэзером проблема впоследствии развивается Брониславом Малиновским – основоположником функциональной школы в этнологии.

Б. Малиновский демонстрирует, что миф в архаичных сообществах, то есть там, где он еще не стал пережитком, осуществляет исключительно практические функции. Малиновский отталкивается от того, что миф имеет социальный характер и обусловливается его социальной функцией. Ученый дает оценку мифу со стороны его практической функции как механизму решения критических проблем, имеющих отношение к благосостоянию индивидуума и общества, и как средству укрепления согласия с финансовыми и социальными факторами. Малиновский рассуждает и по отношению к магии: это не только доктрина, совокупность умственных воззрений, а особенный тип поведения, прагматическая установка.

Зигмунд Фрейд – основоположник психоанализа и психоаналитического подхода – считал, что корни мифа находятся в индивидуальном бессознательном, однако последующие исследования его ученика и последователя О. Ранка продемонстрировали ограниченность данного подхода ввиду непринятия во внимание такого критерия, как коллективная душа.

Указание на тот факт, что субъектом мифа является непосредственно архаический коллектив, принадлежит К. Г. Юнгу, который разработал концепцию коллективного бессознательного и концепцию архетипа.

Коллективное бессознательное – это эмпирия, которая охватывает прошлые поколения. Происходит концентрация, как отмечает К. Г. Юнг, архаичного опыта, что находится в бессознательном духовном опыте современного человека, включающего данные прошлых эпох. Иными словами, передача данного коллективного исторического опыта проходит через архетипы, которые, как кажется на первый взгляд, возникают стихийно и самопроизвольно, транслируют уже заготовленную систему, определяющую идеи и суждения [5]. Данные архетипы наследуются на уровне нейронных структур мозга. К. Г. Юнг понимал под архетипом первичные системы образов, отображаемые машинально и целенаправленно выстраивающие активность фантазии.

Э. Фромм, являющийся неофредистом, придерживался идеи о наличии единого универсального языка, общего для всех народов всех поколений – языка снов и мифов, языка символов. Язык этот – проявление опыта более широкого, чем опыт той или иной цивилизации, – опыта всего человечества с самых первых времен, на котором изначально и строилось общение первых представителей человечества [6].

Концепцию об архетипах и прообразах изложил Юнг, не без воздействия учений о «коллективных представлениях», о которых писал Дюркгейм [7]. Тем примечательны и учения Эрнста Кассирера и Клода Леви-Стросса. Опираясь на работы предыдущих исследователей и принимая во внимание их точки зрения в сфере исследования мифов, происходит становление новых теоретических вопросов деятельности мифологического мышления.

Э. Кассирер отталкивается от постулатов Канта о познании мира посредством феноменов, конструируемых сознанием. В соответствии с этим познать ипостась индивида и его внутренней культуры возможно только лишь посредством установления правил функционирования конфигураций, создаваемых феноменами. Согласно Кассиреру, данными конфигурациями считаются знаки [8]. Скептическое исследование структуры таких форм духовности, как миф, вероисповедание, искусство, гуманитарные науки, Кассирер предлагает осуществить с позиций единой концепции символических форм выражения процесса и итога духовной работы. Символ или знак у Кассирера – эмоциональное выражение совершенного значения, любая модель внутреннего творчества формирует собственный особый мир знаков – такова основа построения концепции мифа.

Приверженец постструктуралистского подхода – француз Ролан Барт, который также является основоположником семиологической концепции. Ученый также исследует современный миф, отождествляя его с современным массовым сознанием [9].

При терминологической неопределенности, миф и массовое сознание могут считаться общепонятными конструкциями. Само наличие мифа в массовом сознании определяется как недостаток последнего. По этой логике мифы мешают людям принимать разумные решения и составлять правильные мысли, адекватно отражать собственные интересы. Констатация факта наличия мифа в массовом сознании сама по себе еще не позволяет вынести ему оценку в социальном аспекте. Среди результатов научного исследования мифомышления присутствует вывод о том, что миф является формальной структурой, содержание которой может быть разным по характеру воздействия. Поиск разъяснения конкретности, что стоит за мифом, является условием реалистической оценки массового сознания, свободной от крайностей [10]. А для этого нужны постоянный анализ фактов, беспристрастные обобщения, объективные данные об общественном мнении и умонастроении людей. При этом остается без ответа целый ряд вопросов, которые в этой проблематике кажутся важными. Как взаимодействуют мифы между собой в массовом сознании? От чего зависит восприимчивость массового сознания к мифу? Что позволяет массовому сознанию творить миф? Размышляя о мифе и массовом сознании, исследователи, как правило, используют следующие формулировки: мифологизированное массовое сознание или мифы в массовом сознании. Если в первом случае речь идет о доминировании мифологического уровня отражения мира массовым сознанием, то в другом – о констатации факта: миф входит в состав массового сознания. Наипростейшим и распространенным решением вопроса о связи мифа и массового сознания является утверждение: миф – стереотип массового сознания. Сама по себе констатация факта наличия мифа в массовом сознании ставит перед исследователями множество вопросов. Может массовое сознание быть свободным от мифа? Какое значение играет миф в массовом сознании? Чем определяется продолжительность существования мифов? Чем объясняется степень внедрения мифа в массовом сознании? Можно ли отнести миф в структурные компоненты вместе с другими? Ответы на эти вопросы приближают нас к пониманию природы массового сознания. Мифосознание – тип сознания, считает А. Ф. Лосев, всегда во все времена свойственный человеку. Что же характеризует существо мифического сознания? Следуя логике рассуждения автора «Диалектики мифа», можно выделить следующие признаки. Миф не идея, не понятие, миф – это реальность для носителей; образ, воспринимаемый как реальность. В соответствии с ним индивид действует [11]. В данной формуле, отмечает А. Ф. Лосев, своеобразие мифического сознания. Личным восприятием пронизано все сознание, особенность бытия лежит на любой вещи. Миф проявляет себя внешне в символе. Символ – это не сама реальность, а обозначение реальности.

Возникая более стремительно в условиях общественно-политической нестабильности, в напряженный период, мифы зачастую ориентируются на «шлифовку», смягчение значительных общественных противоречий. Это специфический способ приспособления к реальности групп, народов, цивилизаций.

Политический миф: характеристика, специфика и функции

Миф – это также образованный умышленно продукт. Исследуя миф, немаловажно понимать не столь значение, сколько семантику.

Политическая мифология – «своеобразный угол» рассмотрения общественно-политической действительности такого рода, какой приспосабливает общество к конкретному культурно-установленному уяснению и понижает излишнюю степень эмоционального напряжения, постоянно возникающего от прикосновения к реальности.

Миф обладает весьма большой силой противодействия. По мнению Е. И. Шейгал, мифы характерны для политически доверчивых, не опытных в политике граждан, являющихся средой существования мифов, несмотря на то что творцами мифов считаются специалисты, преднамеренно «запускающие их в обращение», преследуя конкретные политические цели [12].

Все без исключения усилия интеллектуализировать миф – разъяснить его равно некоторому иносказательному представлению теоретической или эстетической истины – в действительности абсолютно не состоятельны [13]. Данные усилия бойкотировали основное – мифологическое переживание. Реальным базисом для мифа значится не мышление, а чувствование. Миф и первобытное вероисповедание ни в каком случае не значатся чем-то абсолютно несвязным. Их согласованность в большей степени находится в зависимости от целостности эмоций, нежели от логических законов.

А. Цуладзе в собственном труде «Политическая мифология» подчеркнул соответствующие свойства мифа:

1. Миф предоставляет право «элементаризировать» действительность и противоречивость, в них существующие, и привести действительность к ясной всем формулировке конфронтации двух элементов. Политические деятели во время своих выступлений нередко адаптируют и делают более доступной пониманию реальность и трудности социума, объединяя их с простыми формулами конфронтации отличного и нехорошего, а потом преобразовывают их в девизы и политические программы. Так же получаются политические дихотомии.
2. В мифе окружающий мир ясен и целиком узнаваем. Доступное общество, в котором отсутствуют открытые вопросы, не порождает у граждан ощущение боязни, в таком случае индивид при помощи мифа обретает решительность и слаженность.
3. Миф обладает иррациональными истоками. Мифы возникают в обществе, они насыщаются чувствами, которые свойственны любому индивиду. Непосредственно по этой причине политтехнологи стараются сформировать такого рода содержание, в котором сторонний наблюдатель способен распознать в себе героя и разделять его переживания [14].

Значимость политического мифа ученые оценивают с различного рода сторон: первые акцентируют внимание на том важном условии, что он является немаловажным фактором политического процесса, вторые оценивают как устройство контроля данного процесса, прочие оценивают как природу политического сознания, последние – как компонент процесса восприятия и передачи информации без непосредственной помощи органов чувств о политической реальности. В данной взаимосвязи возможно отметить то, что миф считается функциональным наполовину. Социуму он нужен равно устройству приспособления к политической действительности, а для пра-

вительства это система реализации общественной связи с обществом, метод интеграции коммуникативного действия в общественно-политическую действительность, к каковой старается приспособиться социум [15].

В общем, миф целесообразно рассматривать важным инструментом решения политических разногласий, достижения власти и ее легитимизации, который, оперируя образами, стереотипами, всевозможными штампами, определенно влияет на сознание индивида, моделирует его поведение и восприятие действительности. Миф – это доступный, лежащий на поверхности ответ на значимые проблемы. Его цель – дать логическую модель для решения определенного противоречия. Для одной общественно-политической силы считается бесспорной истиной, для её соперников – миф, применяемый для повышения уровни симпатии избирателей.

Политический миф старается как и обосновать какой-либо исход действий, гарантировать верование граждан в правду исполняемых политических промоакций, так и создать незабываемые, красочные фигуры соучастников политического процесса, происшествий политической сферы, облик общегосударственного курса. Превратиться в реальность миф способен только с поддержкой ресурсов, четко действующих на понимание масс.

Нередко миф становится формой тех взглядов об общественно-политической действительности, тех социально-политических представлений, изнутри каковых присутствуют общие социальные категории [16]. Ученый А. М. Лобок подмечает такое свойство мифа, при котором для индивида, который прибывает в мифе, окружающий его мир – это абсолютная реальность [17]. А следовательно, миф – это обман, обладающий сверзначимым характером для индивида.

Политическое мифотворчество совмещает внутри себя компоненты деятельности народа и политтехнических манипуляторов, обращающихся в её агентов. Потеря народом энергетического потенциала порождает ослабление, оскуднение, деградацию и смерть мифа, обращение его в явную подделку, не решающую никакого рода проблем и целей. Непосредственно в данный период миф теряет собственную взаимосвязь с архаикой и делается ложью [18].

А. Н. Кольев в своем труде акцентирует внимание на нижеследующих положениях актуализирования мифа:

1. Миф никак не способен являться немифологически. В случае построения некоторой политической модели она не соотносится с мистикой, период её жизни весьма урезан. В таком случае политический миф непосредственно сопряжен с культом и традицией. Следовательно, дешифрация мифа, обнаружение его сюжетного содержания постоянно подразумевают закрепление аналогий с классическими мифами и религиями.
2. Нужна методика подборки «ключа» к мифу. Миф ранее имеется в социуме, необходим лишь «ключ» и период, при котором его следует использовать. Далее – близкая взаимосвязь политического мифа с традицией и архетипами коллективного бессознательного.
3. Миф обязан быть тотальным. Использование мифов для решения локальных проблем – дело бесполезное. Необходимо устанавливать задачу создания единого мифа, который способен поменять течение мифологических фрагментов.

По этим причинам мифологизация общественного сознания происходит под влиянием мифов, ретранслируемых политическими акторами, существенно упрощает восприятие индивидом реального политического процесса, лишает необходимости осознания всех тонкостей, характерных особенностей и закономерностей протекания. Под влиянием мифологизации политическая действительность обычно сводится к уже традиционной дихотомии в рамках системы «добро – зло», а сам политический процесс приобретает характер конкуренции картинок, образов и историй. В результате миф не может претендовать на абсолютную истинность и сакральность, на чем акцентировал внимание М. Элиаде [19].

Мифологизация общественного сознания конструирует индивида, подталкивая к «правильному» выбору и соответствующей интерпретации и оценке политического процесса в целом, его отдельных акторов и институтов. Кроме того, в результате мифологизации, замечает Г. Почепцов, уже нет необходимости производить новые, комплексные тексты. Достаточно лишь намекать, подсказывая существенные характеристики, подводить массовое сознание к тому или другому мифу, поскольку большинство их будет воспроизводиться в сознании индивида автоматически [20].

Посредством мифологизации достигается максимальное сближение с аудиторией, что происходит прежде всего на эмоциональном уровне. Миф переживается аудиторией. Его основу составляют человеческие эмоции, чувства и переживания, которые человек воспринимает по вполне обоснованным системам фактов. Зато А. Цуладзе замечает основания: миф реальный ровно настолько, насколько реальные чувства и настроения каждого, на кого направлены его действие, и без веры в действительность мифа он теряет актуальность [21]. Собственно, формирование доверия – необходимое условие, позволяющее опираться в процессе функционирования преимущественно на иррациональные факторы, а самому мифу – приобрести признаков четкости, простоты и понятности. Его характерными чертами являются также общедоступность, убедительность и легкость восприятия целевой аудиторией, на среду функционирования которой и распространяется влияние мифологической составляющей, результативность чего во многих случаях достигается путем повторения и многообразия каналов и способов ретрансляции мифа.

Мифологизация в процессе политической борьбы играет также важную функцию замещения политической реальности, помогает отвлечь внимание от основных, значимых вопросов политической повестки дня и направить общественное сознание в направлении призывов и поиска путей решения менее весомых, второстепенных, а иногда и откровенно надуманных вопросов и проблем. Посредством мифологизации политические акторы способны, без особых усилий, кардинально переориентировать общественное мнение, изменить свой статус и позиционирования, перераспределить властные ресурсы и получить доступ к новым рычагам власти. Мифологизация пространства политической деятельности вследствие навязывания ярлыков, продуцирования стереотипов способствует делегитимизации оппонентов, формированию необходимого отношения к политическим институтам, способствует в критические моменты стабилизации или, наоборот, дестабилизации политического порядка в целом.

Ссылки на источники

1. Стрельник О. Н. Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна // Вестник РУДН. Сер. «Философия». – 2006. – № 2. – С. 63–72.
2. Щербинина Н. С. Политика и миф // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1998. – № 2. – С. 24–29.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
5. Юнг К. О современных мифах. – М.: Практика, 1994. – 450 с.
6. Найдыш В. М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. – М.: Альфа-М, 2004. – 544 с.
7. Дюркгейм Э. Указ. соч.
8. Кассирер Э. Эссе о человеке // Мистика, религия, наука. – М., 1998. – С. 386.
9. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
10. Лосев А. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
11. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000. – 440 с.
13. Барт Р. Указ. соч.
14. Головин, Ю. А., Григорьев П. В., Щенников М. А. Новые политические технологии в современной России: монография. – М.: НИПКЦ Восход-А, 2009. – 183 с.
15. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 253–270.

16. Гуревич П. С. Социальная мифология. – М.: Мысль, 1983. – 175 с.
17. Лобок А. М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997. – 692 с.
18. Кольев А. Политическая мифология: Реализация социального опыта. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
19. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. Большакова. – М.: Академический проспект, 2010. – 256 с.
20. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. – М.: Дело, 2000. – 272 с.
21. Цуладзе А. Политическая мифология. – М.: ЭСКМО, 2003. – 383 с.

Dmitry Vasiliev,
Student, Volgograd State University, Volgograd
vas.dmitrii17@gmail.com

Theoretical and methodological basis of the political myth and myth creation research

Abstract. There is a large number of new opportunities for the creation and use of political myths during the period of intensive promotion of information technologies. The present time is a period of created reality constructed with the help of myths. For this reason, understanding the elements and their interrelated work in political mythology is an important factor for survival in today's society. Consequently, there is an increasing need for research and careful study of this issue.

Key words: myth, political myth, myth creation, mythological consciousness.

References

1. Strel'nik, O. N. (2006). “Deformaciya yazyka i mifologizaciya soznaniya v kul'ture postmoderna”, *Vestnik RUDN. Ser. “Filosofiya”,* № 2, pp. 63–72 (in Russian).
2. Shcherbinina, N. S. (1998). “Politika i mif”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, № 2, pp. 24–29 (in Russian).
3. Dyurkgejm, Eh. (1990). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii*, Nauka, Moscow, 575 p. (in Russian).
4. Levi-Bryul', L. (1994). *Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii*, Pedagogika-Press, Moscow, 608 p. (in Russian).
5. Yung, K. (1994). *O sovremennyh mifah,* Praktika, Moscow, 450 p. (in Russian).
6. Najdysh, V. M. (2004). Filosofiya mifologii. XIX – nachalo XXI v., Al'fa-M, Moscow, 544 p. (in Russian).
7. Dyurkgejm, Eh. (1990). Op. cit.
8. Kassirer, Eh. (1998). “Ehsse o cheloveke”, *Mistika, religiya, nauka*, Moscow, p. 386 (in Russian).
9. Bart, R. (2008). *Mifologii*, per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina, Akademicheskij Proekt, Moscow, 351 p. (in Russian).
10. Losev, A. (1991). “Dialektika mifa”, *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura*, Politizdat, Moscow, 525 p. (in Russian).
11. Losev, A. F. (1982). Znak. Simvol. Mif, Moscow Izd-vo Mosk. un-ta, 480 p. (in Russian).
12. Shejgal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa*, Volgograd, 440 p. (in Russian).
13. Bart, R. (2008). Op. cit.
14. Golovin, Yu. A., Grigor'ev, P. V. & Shchennikov, M. A. (2009). *Novye politicheskie tekhnologii v sovremennoj Rossii: monografiya*, NIPKC Voskhod-A, Moscow, 183 p. (in Russian).
15. Vershinin, M. S. (2004). “Politicheskaya kommunikaciya v informacionnom obshchestve: perspektivnye napravleniya issledovanij”, *Aktual'nye problemy teorii kommunikacii: sb. nauch. tr*, Izd-vo SPbGPU, St. Petersburg, pp. 253–270 (in Russian).
16. Gurevich, P. S. (1983). *Social'naya mifologiya*, Mysl', Moscow, 175 p. (in Russian).
17. Lobok, A. M. (1997). *Antropologiya mifa,* Ekaterinburg, 692 p. (in Russian).
18. Kol'ev, A. (2003). *Politicheskaya mifologiya: Realizaciya social'nogo opyta*, Logos, Moscow, 384 p. (in Russian).
19. Ehliade, M. (2010). *Aspekty mifa*, per. s fr. Bol'shakova, Akademicheskij prospekt, Moscow, 256 p. (in Russian).
20. Pochepcov, G. G. (2000). *Imidzhelogiya*, Delo, Moscow, 272 p. (in Russian).
21. Culadze, A. (2003). *Politicheskaya mifologiya*, EHSKMO, Moscow, 383 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Утёмовым В. В., кандидатом педагогических наук;
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	14.09.18	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	20.10.18
Принята к публикации *Accepted for publication*	20.10.18	Опубликована *Published*	26.12.18

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)
© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2018
© Васильев Д. А., 2018